

Гражданско-правовой принцип добросовестности как этическая и правовая категория

Владимир Ф. Калина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vskalina@mail.ru*

Анна В. Милохова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, milokhov@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется сущность и значение добросовестности как этической категории и как гражданско-правового принципа, выявляются этапы общественного развития, объясняющие значение и потребность в законодательном закреплении принципа добросовестности, проанализировано соотношение принципов добросовестности и свободы договора.

Ключевые слова: добросовестность, принцип добросовестности, принципы гражданского права, реформа гражданского законодательства, пределы свободы договора

Для цитирования: Калина В.Ф., Милохова А.В. Гражданско-правовой принцип добросовестности как этическая и правовая категория // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 125–133. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-125-133

Civil law principle of good faith as an ethical and legal category

Vladimir F. Kalina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, vskalina@mail.ru

Anna V. Milokhova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, milokhov@mail.ru

Abstract. The article analyzes the essence and importance of the good faith as an ethical category and as a civil law principle. It reveals stages of social development, explaining the importance and need for legislative consolidation of the principle of good faith and analyzes the relationship of the principles of good faith and freedom of contract.

Keywords: good faith, the principle of good faith, the principles of civil law, civil law reform, the limits of freedom of contract

For citation: Kalina VF., Milokhova AV. Civil law principle of good faith as an ethical and legal category. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*. 2018;3(13):125-33. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-125-133

Нравственность – это, несомненно,
самое важное в жизни; она, возможно,
сама воля к жизни.

Томас Манн

Введение

Добросовестность – одно из базовых начал осуществления гражданских правоотношений, способное оказать влияние на стабильность и развитие экономики государства. Как полагал еще Адам Смит, экономическая жизнь уходит глубокими корнями в систему социальных отношений, ее нельзя понять вне связи с обычаями, нравами, устоями, культурой конкретного общества. По утверждению Френсиса Фукуямы, «макроэкономическая стратегия, каков бы ни был взгляд на этот важный инструмент развития, всегда должна вырабатываться с учетом политического, исторического и культурного развития» [1 с. 46]. Далее он утверждает, что «у общественного капитала, этого материализованного доверия, играющего принципиальную роль в создании здоровой экономики, – культурные корни» [1 с. 64]. И хотя само понятие культуры достаточно неопределенное (в науке существует достаточно много определений), по своей сущности «абсолютно нерациональное» и «неуловимое», оно существенно влияет на экономическую эффективность. Дело здесь в том, что именно культура, понимаемая как глубинная основа нравственного уклада общества во всем многообразии составляющих его социальных групп, формирует те необходимые этические нормы и традиции, которые преобразуют человека в процессе социализации из изначально эгоистического от природы существа в нравственную личность. Усвоенные личностью нравственные ценности и культурные традиции служат экономически рациональным целям, о чем говорит исторический опыт.

Таким образом, добросовестность можно рассматривать как нравственную установку личности. Понятие добросовестности связано с фундаментальными началами существования человека: добром и злом. Именно два этих начала определяют содержание всех этических кодексов и религиозных доктрин. Добросовестность является доминирующим началом во всей системе

социальных отношений. В самом деле, большинство людей абсолютно спонтанно следуют нормам морали и права, часто не имея достаточного представления о последних. Таким образом, можно утверждать, что в основе добросовестности лежит здравый смысл, обусловленный практическим интересом.

Однако несмотря на кажущуюся очевидность, только сегодня, утвердив принцип добросовестности в качестве гражданско-правового принципа, мы получили законодательно закрепленный ориентир поведения для всех участников имущественного оборота. Категория добросовестности, и ранее известная гражданскому праву, получила в 2013 г. статус общеправового принципа, определив вектор дальнейшего развития гражданского законодательства.

В современном российском гражданском праве можно выделить два этапа развития, объясняющих значение и потребность в законодательном закреплении принципа добросовестности. Первый этап ознаменован революционными изменениями конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, приведшими к смене экономических отношений, легализации предпринимательской деятельности, провозглашению многообразия форм собственности, что потребовало формирование новой системы законодательства, регулирующего рыночные отношения, которая создавалась, зачастую, методом «проб и ошибок».

В соответствии с задачами, которые были поставлены либеральной рыночной экономикой, в гражданском законодательстве, являющемся основой регулирования рыночных отношений, был реализован максимально либеральный подход. Особое место в регулировании экономических отношений занял принцип свободы договора, явившийся прямой противоположностью директивному планированию советской экономики. Принцип свободы договора существенно расширил круг возможностей при организации договорных связей, сделал стороны главными участниками правоотношений, способными самостоятельно влиять на условия формирования данных правоотношений. Таким образом, основой концепции нового гражданского законодательства стала либеральная идея свободы.

Однако любая свобода предполагает наличие разумных ограничений, иначе свобода (без ограничений) превращается в «несвободу» и произвол. Предполагалось, что стороны, и в первую очередь предприниматели, в рамках предоставленной им свободы, самостоятельно будут влиять на формируемые ими правоотношения, согласовывая свои позиции, реализуя достигнутые договоренности. Однако все это будет работать только в случае, если стороны будут действовать добросовестно.

Еще в начале XX в. известный специалист в области финансового права профессор И.И. Янжул обратился к духовной стороне предпринимательской деятельности, органически увязывая ее с образованием, просвещением и нравственностью, или, как он говорил, с «душевной моралью человека». Он утверждал, что «ни одна из добродетелей, создающих наиболее богатства в стране, не имеет такого крупного значения, как честность». Ни промышленность, ни торговля, по мнению И.И. Янжула, не могут развиваться без доверия и честности. Успехи цивилизованных государств он напрямую связывает с налаженным механизмом строгого правового обеспечения этих добродетелей. При этом он определяет основные параметры честности: верность слову, т. е. данному обещанию; уважительное отношение к чужой собственности; уважение чужого права; строгое следование нормам права и морали [2]. Примерно то же утверждает в работе «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер применительно к нравственным основам предпринимательской и трудовой деятельности приверженцев протестантизма в Европе. Он ссылается на учение Мартина Лютера, из которого следует, что подлинная вера проявляется не во внешних атрибутах религиозного культа, а в добросовестном выполнении своих социальных и профессиональных обязанностей. Культивируемая столетиями подобная нравственная позиция сформировала в сознании подавляющего числа сторонников протестантизма устойчивую нравственную установку на добросовестное служение общественному долгу [3 с. 99–101]. Из традиционного со времен Древней Греции и Рима понимания труда как проклятия современная цивилизация создала новую модель нравственного поведения в сфере предпринимательской и трудовой деятельности. При этом честность, порядочность и добросовестность во взаимоотношениях, утратив религиозный ореол, на практике доказали свою высокую эффективность. Можно сказать, что для возникшего на базе протестантской этики типа удачливого и рачительного предпринимателя, добропорядочность и законопослушность превратились в первостепенную ценность в силу их выгоды и обеспечения надежности.

В России исторически сложилась иная ситуация. Господство административно-командной системы, сосредоточение власти в руках чиновничьего аппарата порождали высокий уровень коррупции и воровства. Петровские реформы эту проблему не только не решили, но скорее, усугубили. Отечественный нравственный климат на стыке веков в сфере промышленности и торговли, отличался недостатком развития честности, от чего пада-

ло и благосостояние народа. Однако мощный рывок, который сделала Россия именно в этот период, был связан прежде всего с появлением новых нравственных тенденций в сфере деловых взаимоотношений. Рассмотрим это на примере российского купечества.

Купеческое достоинство во многом основывалось на добросовестности. Если принять во внимание, что многие купцы, выходцы из вчерашних крепостных, были вообще неграмотными и для них составление, прочтение и подписание договора (купчей крепости) было непосильной задачей, то гарантией добросовестности становилось честное купеческое слово, крестное знамение и рукопожатие («ударить по рукам»). Купец свято дорожил данным обязательством. Нарушивший слово купец 1-й гильдии подвергался процедуре «стирания в порошок» со стороны равных ему по статусу: его фамилию писали мелом на доске и тряпочкой стирали. С этого момента долг прощался, но из 1-й гильдии он исключался и лишался права появляться в купеческом собрании данного уровня. Виновный передавался на суд Божий. С.Ю. Витте отмечал, что под честное слово в государственном обороте находилось до пятидесяти миллионов рублей купеческих денег. Известно, что девизом газеты деловых кругов России «Биржевые ведомости» было утверждение: «Прибыль выше всего, но честь выше прибыли». Сократ утверждал, что самый счастливый человек тот, кто добродетелен, справедлив и властен над собой. Из русских купцов едва ли кто читал Сократа, но аналогии напрашиваются сами собой. В сознании русских крестьян XIX в. прочно коренились принципы православной морали, единственной гарантией которой был стыд, т. е. моральный страх греха и бесчестия.

Как всякая этическая категория, добросовестность антиномична, т. е. ей противостоит недобросовестность, которая может принимать различные формы. Недобросовестность может проявляться в распространении заведомо ложной информации о конкуренте, о низком качестве его товаров и услуг, либо, напротив, о преимуществе собственных, в корыстном использовании коммерческой тайны и товарного знака. Недобросовестная конкуренция явление повсеместное, во всем мире с ней ведется борьба, и хотя искоренить ее полностью, как всякое делинквентное поведение, едва ли возможно, тем не менее свести к минимуму вполне реально. Однако следует иметь в виду, что этого можно достичь только с помощью комплекса мер в отношении различных структур, прямо либо косвенно влияющих на регулируемую сферу. А поскольку в основе всякой нравственности, а стало быть, и добросовестности, лежит

интерес, то необходимо создать такие условия, при которых недобросовестность будет невыгодна¹.

Между добросовестностью как прочной нравственной установкой и недобросовестностью как жизненной позицией, допускающей, а также и предполагающей подобный способ поведения, располагается immoralная позиция личности. Immoralная добросовестность – вынужденное правомерное поведение в силу обстоятельств. В ее основе также может лежать трезвый расчет, что отнюдь не исключает недобросовестности при отсутствии сдерживающих факторов.

Добросовестность в любом случае имеет субъективное начало. В основе ее может лежать следование божественным заповедям, и тогда человек должен соотносить свой нравственный мир с определенной конфессией, от нравственных ценностей которой он не может отступать в силу религиозного убеждения. Также в основе может быть рациональное начало, в частности достижение чувства определенного душевного комфорта от исполненного долга. Моралисты XVIII в., утверждавшие утилитарный характер морали, полагали, что мотивом нравственного поведения, и в частности добросовестности, может быть собственный интерес, выражающийся в совершенно конкретной материальной выгоде. Добросовестное поведение в сфере бизнеса является одним из важнейших условий надежности в достижении стратегических целей.

XX век явился периодом серьезных испытаний для нравственных основ цивилизации в планетарном масштабе. Две мировые войны, по меткому замечанию Томаса Манна, «выпестовав варварство и алчность, сильно понизили общий интеллектуальный и моральный уровень». Что касается России, то ее нравственные устои были значительно подорваны Гражданской войной и последовавшим за ней тяжелейшим голодом, что даже по признанию лидера большевиков привело к одичанию народа [4 с. 60]. Крушение нравственных устоев стало печальным следствием революционных изменений, связанных с распадом Советского государства и изменением экономической политики в России. Бизнес 90-х годов выражал явное пренебрежение в отношении каких-либо моральных категорий. Критерий добросовестности бизнеса как оценочный и мало совместимый с

¹ Доказательством того, что в основе нравственности лежит интерес, служит «золотое правило нравственности», смысл которого в том, чтобы не делать никому того, чего не желаешь себе». Оно появилось в разное время у разных народов. Близкие по значению мысли на этот счет мы находим у Конфуция, Хилона, Иммануила Канта и др.

задачами первоначального накопления капитала оказался вне поля зрения законодателя и правоприменителя. И даже если необходимость добросовестного поведения сторон не отрицалась, принцип свободы договора в сочетании с правовым позитивизмом привели в итоге в практике применения правовых норм к максимальной выгоде одной из сторон без учета интересов, а зачастую в нарушение интересов другой. В итоге мы получили систему, в которой закон позволил сильному диктовать условия слабому, а в случае чего умелое применение закона позволяло уйти недобросовестному контрагенту от ответственности. Суды, и в первую очередь арбитражные суды, использовались как инструмент в достижении целей, допустимых с точки зрения закона, и в то же время недобросовестных с точки зрения обычного, ожидаемого поведения участника гражданского оборота. Таким образом, подрывалась основная идея права, превращая его в орудие бесправия.

Сложившееся в 90-е годы в бизнес-среде понимание добросовестности поведения как проявления слабости вступает в противоречие с актуальными потребностями и приоритетами, предполагающими стабильность взаимоотношений сторон гражданских правоотношений. Добросовестность как проявление «мягкой силы» с одной стороны создает определенный нравственный барьер на пути использования сомнительных средств и приемов для достижения успеха и экономической выгоды, а с другой обеспечивает высокий уровень доверия партнеров, т. е. работает на перспективу. Так, например, недобросовестное поведение конкурента может на какой-то период времени создать для него определенные преимущества, но, будучи деянием противоправным, а следовательно, и нравственно несостоятельным, отнюдь не исключает неблагоприятных последствий, а также и утрату доверия и деловой репутации.

В нашей стране бороться с недобросовестностью контрагентов начала судебная практика. В первую очередь это связано с активной в последние годы своего существования деятельностью ВАС РФ, который совершил, по меткому замечанию С.Л. Савельева, мощный интеллектуальный рывок в области судебной методологии [5 с. 3]. На основе выработанных судами позиций были сформулированы рекомендации, направленные на защиту сторон правоотношений.

В первую очередь это касается субъектов предпринимательской деятельности как в отношениях между собой, так и в отношениях с потребителями. Так, например, ВАС РФ, толкуя норму закона, пришел к выводу, что банк, реализуя законное, с точки

зрения гражданского законодательства, право изменить процентную ставку в случае, предусмотренном договором, поступит недобросовестно, увеличив ее в два или более раза без достаточных к тому оснований [6]. Подобные правовые позиции предполагали восполнение законодательных пробелов или корректировку применения закона, допускавшего недобросовестное поведение контрагента, и играли важную роль как в защите нарушенного права, так и в развитии правового регулирования конкретных правовых институтов.

Заключение

На сегодняшний день уровень развития общественных отношений позволяет ставить вопрос о необходимости смены приоритетов путем отказа от либеральной парадигмы (в ее классическом виде) в организации гражданских правоотношений. Свобода поведения контрагентов, допускающая достижение целей любыми доступными средствами, должна иметь разумные ограничения, пределы, направленные на уважение интересов иных участников правоотношения. Однако очевидно, что как на каждом перекрестке нельзя поставить по полицейскому, так же и закон не может предусмотреть всех возможных ограничений, обеспечивающих защиту прав и законных интересов в каждом конкретном правоотношении.

Эта функция может быть возложена на основные начала гражданского законодательства, и законодательное закрепление принципа добросовестности ознаменовало второй этап развития правового регулирования гражданских правоотношений. В 2013 г. статья 1 ГК РФ была дополнена формулой, предусматривающей обязательность добросовестного поведения участников гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей. Закрепление указанного принципа является еще одним шагом на пути преодоления деформации в сознании людей, вызванной трагическими событиями последнего столетия, а следование ему позволит создать надежную правовую базу для устойчивого развития страны на долгую перспективу, обеспечив при этом соответствующий моральный климат, поскольку «законы слабы без нравов».

Литература

1. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и пути к процветанию: Пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.
2. Новое Время. 1908. 3 июня.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 61–307.
4. Ленин В.И. Успехи и трудности советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. М.: Изд-во полит. лит., 1969. С. 39–73.
5. Кардозо Б.Н. Природа судейской деятельности (Предисловие): Пер. с англ. М.: Статут, 2017. 112 с.
6. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 сентября 2011 г. № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11. П. 3.

References

1. Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: AST:Ermak Publ.; 2004. 730 p. (In Russ.)
2. New Time. 1908. June 3. (In Russ.)
3. Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism. Weber M. *Selected works*. Transl. from German. Moscow: Progress Publ.; 1990. P. 61-307.
4. Lenin VI. Successes and difficulties of Soviet power. Lenin VI. *Collected Works*. Vol. 38. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ.; 1969. P. 39-73. (In Russ.)
5. Cardozo BN. The Nature of the Judicial Process (Preface). Transl. from English. Moscow: Statut Publ.; 2017. 112 p. (In Russ.)
6. Information letter No. 147 of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated September 13, 2011 "Review of court practice in resolving disputes related to the application of the provisions of the Civil code of the Russian Federation on the loan agreement". *Vestnik VAS RF*. 2011. № 11. (In Russ.)

Информация об авторах

Владимир Ф. Калина, кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vfkalina@mail.ru

Анна В. Милохова, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; milokhov@mail.ru

Information about the authors

Vladimir F. Kalina, PhD in Philosophy, LLM, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vfkalina@mail.ru

Anna V. Milokhova, LLM, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; milokhov@mail.ru